

ОТЗЫВ

**официального оппонента о диссертации Юлии
Николаевны МАЖАРИНОЙ на тему:**

**«Мемуарные портретные очерки Б. К. Зайцева:
особенности поэтики»,**

**представленной на соискание ученой степени кандидата
филологических наук**

по специальности 10.01.10 – журналистика

Литературное творчество Б. К. Зайцева исследовано достаточно подробно, и вот настало время, когда дошла очередь до его портретной литературной критики и журналистского наследия. Писатель прожил долгую жизнь художника, и мы сегодня отмечаем, что его взгляд на современников, на литературный процесс, на отечественную историю был трезвым реалистичным и до сегодняшнего дня принимает участие в коррекции канонической картины биографий известных писателей первой половины XX в. Большую часть жизни, после 1922 г. Б. Зайцев прожил во Франции. В этой стране выстраивал свое непростое общение с соотечественниками по изгнанию. Здесь публиковал в русской печати свои лучшие публицистические произведения, о которых идет речь в диссертации Ю. Н. Мажариной.

Для кого-то из русских эмигрантов время остановилось в день приезда на чужбину, кто-то пытался запустить часы как дома, в России. Борис Зайцев не меньше других испытывал горечь чужой жизни, но сохранил писательское зрение и точные оценки литературного критика и публициста.

Диссертация состоит из двух глав: «Мемуары как вид литературного творчества в отечественной словесности» и «Специфика портретных очерков в мемуаристике Б. К. Зайцева». В первой исследователь решает проблемы периодизации и становления жанра. Во второй изучены творческие проблемы жанра мемуарного очерка, его структуры, стиля, сюжетных

особенностей и поиска авторского алгоритма творчества на материалах публицистического творчества Б. К. Зайцева.

«Мемуары – форма изучения эпох в лицах» (4с.). Это было важно для самого писателя, потому что он сотрудничал в крупных русских изданиях Парижа, Нью-Йорка и до 1972 г. возглавлял союз писателей и журналистов. Нас от жизни Б.Зайцева отделяет не такое уж большое временное расстояние. Он успел опубликовать около 600 журналистских материалов, очерков, портретов, рецензий. При периодизации их и анализе публицистического наследия мы вместе с автором изучаем эволюцию эмигрантских литературно-творческих процессов через мемуаристику. Поэтому исследователь сначала выделяет исторический контекст мемуаров. И довольно корректная авторская дефиниция этого вида творчества. История этого в диссертации хорошо и глубоко написана. От средних веков Руси, от древнерусской литературы, до излета XX в. через тексты и крупные события. Автором особо отмечается, что все пошло от прамемуаристики. Их образцом исследователь считает «Хождение за три моря» Афанасия Никитина.

Далее автором проанализирован большой блок исторических текстов, сменивших прамемуаристику. Этот раздел интересен, логичен, историографически выверен.

В XVIII в. в мемуаристике событие превращается в со бытие (С.24). Постепенно страницы начинают наполнять ретроспективная фактологичность. «Частная жизнь становится частью исторического процесса» (С.27). Мемуаристика русского зарубежья написана русской интеллигенцией. Типичный пример – дневники З. Гиппиус.

В следующем разделе мы видим большую и трудную работу по выявлению точной формулы жанра мемуаров и как ее придется соединить с точным определением А. А. Тертычного, что это «исповедальная журналистика». Оно принципиально важно, потому что вид творчества, который исследуется в диссертации, принадлежит и журналистике, аналитической публицистике, хотя многие дефиниции мемуарного жанра

написаны литературоведами. Документализм в мемуаристике – непереносимое требование. Но публицистический документализм не укладывается в авторский сюжет, поэтому говорить о художественности такого текста можно, но с известной долей натяжки. Автор диссертации иногда сбивается.

«Документализм» для мемуариста – неизменное требование. Опора на факт – существенная особенность мемуаров, позволяющая вывести их за границы художественной литературы и ввести в пределы публицистики (С.32). И далее следует хрестоматийный пример из писательской практики Ю. Тынянова, который считал, что его работа начинается с окончанием документа. Этот пример – не повод для дискуссии о творчестве, а доказательство отличия документальной публицистики от художественной. Примером этого же ряда могут служить дневники писателя Нагибина Ю., книги которого несколько лет разлетались в магазинах с прилавков как горячие пирожки. Ю. Нагибин использует беллетризацию документально точного факта. Этим приемом пользуются многие писатели. И время в мемуарах категория далеко не астрономическая, а главный герой текста. Как и авторское самосознание. Автор диссертации уверенно выстраивает логическую цепочку авторского алгоритма мемуарного произведения. Без натяжек, уверенно владея исследуемым материалом и теоретической базой, попутно синтезируя собственную теорию этого жанра, «мемуары относятся к исследовательско - образным жанрам (очерку, фельетону, эссе), а не к жанрам исследовательским (статья, рецензия, обозрение)» (С.33). Это тонкая грань между памятью и воспоминанием. Художественная литература – жизнеподобна, мемуары – достоверны. Мемуары – это единство документальности и художественности. Фактологичность – неотъемлемая черта мемуарного жанра. Факты довлеют над вымыслом

Мемуары – всегда демонстрация авторского самосознания и авторского самотворения. можно выделить две группы форм мемуарного жанра. В дневниках, путевых записках – время синхронное. «Среди авторов Русского

зарубежья воспоминания в форме дневников оставили З. Н. Гиппиус «Петербургский дневник», «Варшавский дневник»; Б. К. Зайцев «Дневник писателя», «Дни»; Г. Н. Кузнецова «Грасский дневник»; А. М. Ремизов «Взвихрённая Русь» и другие» (С.53-54).

Критерием типологизации мемуарных текстов разных авторов избирается категории «памяти» и «субъективности», выделяются следующие формы повествования: очерковая, эссеистическая, дневниковая и эпистолярная. Эти формы могут взаимодействовать друг с другом и меняться в новые: литературный портрет и автобиографию. Такой подход наиболее эффективен, в нем меньше критериев и они прозрачны, не требуют создания новой теории или подробного комментария для применения.

Однако ценность мемуаристики в том и состоит, что из субъективного, противоречивого, часто произвольного набора исторических фактов, лиц, событий складывается почти документальная картина прошлого и настоящего. Для писателей-эмигрантов такое творчество - попытка напомнить о себе, о своём месте в мире, «сохранить лицо».

Русская эмиграция дала нам «Живые лица» З. Н. Гиппиус, «Москва» и «Далёкое» Б. К. Зайцева, «Петербургские зимы» Г. В. Иванова, «Другие берега» В. В. Набокова, «На берегах Невы» и «На берегах Сены» И. В. Одоевцевой, «Некрополь» В. Ф. Ходасевича, «Отражения» З. А. Шаховской – книги, в большинстве своём состоящие из мемуарных портретных очерков, ранее опубликованных в эмигрантских периодических изданиях» (С.61). Круг проблем и имена узнаваемы во многих публикациях, поэтому можно говорить о некоей модельности памяти русских эмигрантов. Они же не знали, что никогда не возвратятся, но думали только об этом.

Мемуары – это, с одной стороны, соглашение автора с самим собой, а с другой – компромисс с эпохой, которую он не может и не хочет забыть. Ведь недоговаривать, замалчивать, порой, заставляла Дело не только в самоцензуре, но и правилах той страны, в которой они жили. Мы понимаем, что все, рассказанное Б.Зайцевым про писателей-современников, не совсем

документально, пристрастно, но это помогает нам понять процессы, проходившие среди эмигрантов, понять природу эмиграции, ее движущие силы и скрепы.

Для многих эмигрантских авторов мемуары – форма побега с чужбины в дорогой мир России, которой уже нет.

Вторая глава диссертации «Специфика портретных очерков в мемуаристике Б. К. Зайцева» монографична. В самом начале Ю. Мажарина, опираясь на данные секретаря Б. Зайцева, проводит точную периодизацию творчества писателя. Тут же проводит селекцию публикаций по проблематике, объясняет появление в творчестве религиозно-философских мотивов. Исследователь уточняет, что это типичное явление для писателей-эмигрантов. Особо выделяют периоды творчества, связанные с Италией в жизни Б.Зайцева и частью его жизни, когда он писал свои литературные портреты.

Они были с удовлетворением встречены читателями и литературной общественностью – Б. Зайцев возвращал из небытия истории имена русских классиков. И вот какой акцент ставит в связи с этим автор работы: «Мотив России, родной земли, почвы как основы становится одним из главных в период эмиграции. Прозаические и публицистические тексты Зайцева этой поры вполне конкретны, связаны с бытом, пропитаны запахами русской земли. Писатель погружается в родную русскую стихию – русский пейзаж и русские характеры» (С.79). У Зайцева одна из главных тем – человек и Родина. Эмиграция актуализирует эту связь.

Он каждым своим словом восстанавливает разорванную революцией связь времен и культур. Цвет русской культуры был рассеян по свету, и язык теперь становится главным признаком принадлежности к России. На помощь пришло печатное слово. Оно не только сохраняло традиции культуры, но и передавало слово следующему поколению. Особо важно это было для эмиграции.

Б. Зайцев принимает активное участие в формировании и становлении журналистики Русского зарубежья. И даже становится избранным председателем творческих союзов журналистов и писателей в Германии и позже во Франции. Потом придет очередь «Современных записок» (Париж, 1920-1940), они сделают его известным по-новому, потому что он вернет традиции публицистики дореволюционной России. Для этого было возобновлено издание привычных для России толстых литературных журналов. Литературные портреты-очерки почти еженедельно появляются в журнале «Иллюстрированная Россия» (Париж, 1924-1939).

В 1945 г. писатель начинает сотрудничество с «Новым журналом» (Нью-Йорк, с 1942). Он рассказывает о близких и дорогих ему людях, о знаменитых современниках, пишет свои очерки о «Гумилёве», «О Буниных», «О Горьком и о былом», «Ахматовой», «Нашем Казанове» [А. П. Рогнедове. – Ю. М.], «О Пастернаке», «Соловьёве нашей юности», «И. И. Тхоржевском», «Паустовском», «О Леониде Андрееве», «М. О. Цетлине», «С. С. Юшкевиче», «Константине Леонтьеве», «М. О. Гершензоне», «Надежде Бутовой», «П. М. Ярцеве», «Архимандрите Киприане», «Александре Бенуа», «П. П. Муратове», «Духе голубином» (К. В. Мочульском)», «Побеждённом» [А. А. Блоке. и др].

Все исследователи единодушны в том, что документализм является основой этого жанра. Далее автор приводит научную дискуссию о природе и закономерностях жанра, в ней принимают участие Г. Колосов, А. Тертычный, М. Ким, В. Стрельцов.

Это позволяет сформулировать собственную дефиницию жанра. «Мемуарный портретный очерк – публицистический жанр, исследующий закономерности социально-нравственного бытия человека на основе мемориального воспроизведения судьбы конкретной личности глазами очевидца описываемых событий. Задача автора – вывести героя из небытия» (С.91).

При внимательном чтении этих портретных очерков мы видим, что автор в них рассказывает и о себе. У Б. Зайцева отчетливо выделены три типа героев: эпоха, писатель, и еще один герой есть в зайцевской Москве - это Арбат, он вечен, сакрален в жизни Зайцева и его современников, не просто улица для комфортного проживания, а некий фетиш, объект поклонения, а в изгнании и сюжет для воспоминания.

Своеобразие рассказам писателя придает нарушение хронологии событий в очерках. Мы прекрасно видим, что это не проблемы с логикой, а особый авторский прием, когда он фрагментарно обращается к эпизодам жизни своих героев, выстраивает рассказ так, как ему удобно. Начало рассказа обычно находится в довоенной России, заканчивается авторскими размышлениями и прогнозами. Среди героев его «Силуэтов...» много поэтов, и мы видим, какую судьбоносную роль играют стихи в их жизни. Это очерк об А. Белом. И как пароль для современников звучат строки из его стихотворения «Друзьям»: «Белый прекрасно, с трагической силой и пронзительностью изображал горечь, незадачливость и одиночество жизни своей. Непонимание, его окружавшее, смех, часто сопровождавший...»

Много нового и утраченного из жизни Д. С. Мережковского и З. Гиппиус возвращает нам писатель в очерках об этой удивительной паре, прожившей сложную и самодостаточную жизнь даже в эмиграции. И мы видим, как аккуратно Б.Зайцев возвращает нам подробности их жизни. К чести автора диссертации, написан этот эпизод тщательно: этот раздел важен и интересен для познания роли этой неоднозначной и очень талантливой пары в истории русской литературы и критики. В учебниках про них пока написаны ничего не значащие хрестоматийные, давно известные слова.

При анализе авторской манеры повествования автор останавливает внимание на вопросы Б. Зайцева внутри текста. Вопросы чаще всего риторические, на которые нет ответа, да он и не нужен. Но огни скрепляют текст, сюжет и это важный акцент автора диссертации. Как и внутренние диалоги. Они явно не документальны, но хорошо беллетризуют

повествование. Такое же место в повествовании занимают детали. Это Москва, пейзажи русской столицы, домашний быт, и тут же быт изгнанников. Б.Зайцев часто ничего не описывает, просто его детали описания заменяют.

Мы понимаем, что все, рассказанное писателем, было и что эти портреты документальны. Однако мы видим, что в ряде случаев документальность Б. Зайцева условна, и это не противоречит природе документального очерка. Для поддержки своей мысли автор прибегает к помощи известного ученого, М. И. Стюфляевой, которая считает, что это «сложный механизм отображения действительности, имеющий своей исходной точкой документальную фиксацию жизненного факта, а также свободу, ассоциативность и логичность авторского мышления» (С.131). Эта цитата очень к месту.

Усиливает логику анализа пример очерка о Горьком. Своих симпатий и антипатий Б.Зайцев не скрывает. И он профессионально развенчивает пролетарского писателя, очень удачно примерившего маску Буревестника.

«М. Горький в представлении Зайцева – человек-маска, «вывеска для некоего буревестничества». «...Просвещённый мир, увы, долго не распознавал истинного его лица... Правда, он это лицо затушёвывал. О, Горький мог отлично играть под «любителя наук и искусств», чуть ли не эстета», – вспоминает Зайцев» (С. 134).

А революцию писатель не пощадил в очерке про Б. Пастернака. Поэтому он в его рассказе явно не побежденный, каким был А. А. Блок. И как долго уходил Пастернак от симпатий к этой революции. У Зайцева в большинстве очерков она становится символом разрушения.

А вот на эти вопросы хотелось бы получить ответы:

1. Какие компоненты поэтики являются определяющими для жанра литературного портрета?

2. Как творческая индивидуальность Б.Зайцева проявляется в поэтике его портретных очерков?

3. В чем отличие художественной публицистики и документальной публицистики?

4. Почему автор не решился сравнивать портреты Б. Зайцева с очерками Ю. Айхенвальда?

Нужно отметить, что в ряде разделов исследователь сбивается с инструментария документальной публицистики на литературу. Потом, без объяснения, возвращается к очеркам Б. Зайцева.

Диссертация Юлии Николаевны Мажариной «Мемуарные портретные очерки Б. К. Зайцева: особенности поэтики» полностью соответствует требованиям п. 9 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ № 842 от 24.09.2013, а ее автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.10 – журналистика.

Официальный оппонент –

Пугачёв Валерий Вениаминович,

доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Башкирский
государственный университет»,
заведующий кафедрой русской литературы
и издательского дела

Почтовый адрес: 450078, Уфа, Айская, 62-6

Тел./факс: (8-347) 273-67-26

E-mail: walp1@yandex.ru

«12» ноября 2014 года



В. В. Пугачев

личную подпись
пугачева

руководитель отдела кадров Башкирского
государственного университета
И. А. Аскарова

« 12 » 11 20 14 г.